

В.В. Архипов

В сопках и долинах Южного Сахалина

В этом мире мы все путешественники и каждый имеет свой маршрут. Тем из нас, кому выпало посетить Южный Сахалин, всю жизнь помнят его природную красоту. Познакомимся и мы с этим чарующим миром, погрузившись в воспоминания, полученные в пеших походах.

1. Борис Григорьевич, Миша и Анатолий

Апрель на Южном Сахалине – месяц весны. В это время освещенная солнцем земля парит влагой. В распадках и на вершинах гор снег лежит плотным покровом, подтаивая днем и замерзая ночью. В это время комсомольская организация областного центра и Клуб туристов, проводили восхождение на самую высокую гору в окрестностях Южно-Сахалинска – пик «Чехова» (1060 метров над уровнем моря), приуроченное ко дню рождения «вождя мирового пролетариата» В.Ульянова (Ленина). До полудня участники этого мероприятия поднимались на вершину горы по снежному насту, который еще держал человека. После обеда начинался массовый спуск с вершины горы. К этому времени снег подтаивал, и на пологих участках тропы появлялись любители скатиться вниз, используя «пятую точку».

Члены Клуба туристов обеспечивали безопасность участников подъема, оберегая их от «сладкого» сна, вызванного приемом алкоголя. Восходителей, принявших крепкие напитки на пути к вершине и потерявших способность к прямохождению, под белы ручки провожали к подножью горы члены клуба, где их ждал горячий чай.

В восхождении, которое проводилось в 1975 году, участвовали туристы Корсаковского Управления Океанического Рыболовства (УОР) и Корсаковской городской больницы. Для поездки в Южно-Сахалинск участники этого мероприятия собирались на автовокзале, где меня познакомили с Борисом Григорьевичем Монаховым.

С этой встречи начались наши совместные походы в окрестности Корсакова и Корсаковского района. Энтузиазм Бориса Григорьевича привлекал к этому увлекательному занятию любителей пеших переходов.

Борис был лидером от природы, что замечалось с первых минут общения. Он был хорошо сложен физически и брался за дела, требовавшие значительного напряжения.

Ребенком Борис Григорьевич пережил блокаду Ленинграда. В послевоенном городе он избежал влияния хулиганов. Подростка увлек спорт, и он поступил в физкультурный техникум. Затем последовала армейская служба, проходившая в Приморском крае. С нее началась любовь к дивной природе Дальнего Востока. После армии Борис закончил факультет журналистики. Жизненные обстоятельства привели его в УОР, где он служил в качестве первого помощника капитана. На советских судах помощник выполнял обязанности политработника. Борис Григорьевич не любил говорить о своей морской службе, зная ее с обратной стороны.

Из участников походов запомнился Миша – от природы добрый и сильный человек, ходивший на судах матросом. Он первым вставал на прокладку лыжни и обеспечивал костер сухостоем. Мы шутили, слыша треск падающего дерева – «Это «Миша» пошел по дрова».

Из вечерних бесед у костра мы узнали, что его жизнь отмечена событием мировой значимости.

В августе 1968 года Миша в качестве солдата Советской Армии побывал в Чехословакии. От него мы узнали о некоторых подробностях ночного марша советских войск по территории Польши, который Миша совершил с пулеметом в руках. Так, он рассказывал о водителях трейлеров, погибавших в кабинах машин при столкновении с придорожными деревьями.

«Война – войной, а девушки – девушками». Самые теплые впечатления остались у Миши от встреч с местными представительницами прекрасного пола.

Активное участие в походах принимал Анатолий, но вскоре Толя попал в аварию при поездке на тяжелом мотоцикле, что не позволило ему заниматься туризмом. Мы остались без верного товарища.

2. Тяжелая ночевка

Первая зимняя ночевка проходила в окрестностях Корсаковского водохранилища. В ней участвовали мы с Борисом Григорьевичем, Миша и Анатолий.

Группа выдвинулась к месту стоянки вечером короткого зимнего дня.

Ночевка проходила в условиях легкого мороза в тишине леса. За нами следили высокие ели. Казалось, что они достают верхушками звезды.

Для ночевки использовалась 2-х местная палатка. Тела наши в ней быстро затекали, что требовало коллективных поворотов. Зимняя одежда усугубляла страшную тесноту.

Тяжелые условия ночевки лишили нас сна, и мы с трудом дождались рассвета. Сборы были стремительными, и наш уход походил на бегство.

3. “Ветер–спаситель”

Один из мартовских лыжных походов у нас с Борисом Григорьевичем начинался от пос. «Пихтовый». От поселка дорога шла через перевал к Охотскому морю. В это время года оно было покрыто льдом. Мы замедлили движение, рассматривая причудливые каменные арки мысов «Птичий» и «Великан» со стороны моря. Погода способствовала походу – ярко светило солнце, играя лучами в ледяных кристаллах торосов. Мороз и ветер дополняли картину суровой зимней сказки. К вечеру мы поднялись на береговой обрыв и поставили палатку у тропы к перевалу Шешкевича.

Утро следующего дня встретило нас ярким солнцем и щебетом любопытных синиц, удивлявшихся появлению в их владениях неожиданных гостей.

Утренние сборы к переходу через перевал Шешкевича не заняли много времени.

На пути к перевалу мы боялись застрять в зарослях кедрового стланика, но наши опасения не подтвердились. Под тяжестью снега он лежал на земле и не мешал движению лыжника, но злую шутку с нами сыграло весеннее солнце. Оказалось, что снег на склоне, обращенном к Охотскому морю, подтаял. Он прилипал к скользящей поверхности лыж, затрудняя движение. «О, что за мука волочить лыжи с мокрым снегом!» Мы стали опасаться, что опоздаем к приходу в пос. «Береговой» корсаковского автобуса. Наше положение изменилось в лучшую сторону, как только перевал остался за спиной. Ветер понизил температуру снега на Анивском склоне, освободив лыжи от тяжелого груза.

Простые беговые лыжи (в обиходе они звались «дрова»), которыми мы пользовались, не были приспособлены для горного спуска. Лыжные крепления покупались под ботинки. Обязательным элементом экипировки являлись бахилы, которые предохраняли обувь от попадания снега.

С креплением для лыж у меня однажды случилась неприятность. Дужка крепления одной из лыж потерялась на улице Советской во время торопливого бега к автовокзалу ранним зимним утром и падения на лед. Пропажа обнаружилась после высадки из автобуса, когда я стал прилаживать обувь к креплениям. Выход из неприятного положения был найден сравнительно быстро. Лыжу привязали к носку ботинка проволокой, которую нашли у дороги (много нужных предметов валяется на обочинах наших дорог!). Прокладывать лыжню наравне со всеми я не мог. После этого случая мы стали привязывать дужки креплений к их основанию.

От перевала «скоростной» спуск вывел нас в долину речки «Шешкевича». По плотному ледовому и снежному покрову, покрывающему реку, мы вышли на корсаковскую дорогу.

«До встречи перевал! В очередной раз ты открылся нам с неизвестной стороны».

4. Зачетный поход

Мне представляется, что в наше время пешие походы становятся редким явлением. Отчеты о посещении туристами Корсаковского района, помещенные в ИНЕТе, говорят о том, что для достижения поставленной цели используется транспорт. Так, в район мысов «Великан» и «Птичий» любители путешествий добираются на автомашинах, а к Анивскому маяку на моторных лодках. Вероятно, это веление времени, поскольку транспорт увеличивает степень свободы, помогает покрыть большие расстояния, но при этом уменьшается контакт человека с природой, и обедняются впечатления. Не будем предаваться беспокойству. Пеший туризм не уйдет в прошлое, поскольку в природе много мест, до которых человек и в наше время добирается на «своих двоих».

Таинственным природным уголком в семидесятые годы прошлого столетия для меня являлись перевал Шешкевича и сахалинское чудо – мысы «Птичий» и «Великан».

Первый раз я побывал в этих местах, поразивших своей красотой, после окончания курсов «Инструкторов туризма», организованных Южно-Сахалинским Клубом туристов в 1973–74 гг. Теоретический курс завершался первомайским пешим походом, которым руководил инструктор клуба по имени «Толя».

До устья речки Шешкевича мы добрались автомашиной. После ночевки у летнего стана пастухов группа начала движение к перевалу. Во время этого перехода мы «тонули» в глубоком снегу, сопровождаемые ярким весенним солнцем, но перевал был преодолен, и группа вышла к побережью Охотского моря. Нам открылась живописная картина тающих в море льдин. Эти осколки зимы не только лежали на берегу, но и плавали в прибрежных водах.

На вечерней стоянке мы согревались у костра, сушили обувь и одежду. Двуручной пилой (незаменимая в походе вещь!) на дрова пилились сухие столбы телефонной линии, оставленные пограничниками, застава которых до

начала шестидесятых годов стояла на прибрежной возвышенности у мысов «Птичий» и «Великан» (в январе 1960 г. произошло слияние 3-х пограничных отрядов в один с местом дислокации в г. Южно-Сахалинске).

Утром следующего дня погода испортилась. Из низких облаков падал мокрый снег с дождем, но группа без задержки прошла береговой линией к намеченному распадку. По мере движения в прибрежной полосе открывались «чудеса природной архитектуры» – арки и каменные столбы, сотворенные ветром и морскими волнами.

Обедала группа в распадке под разлапистыми елями. Деревья плохо защищали от дождя и снега, падающего на землю из низких и серых облаков.

После обеда инструктор собирался вывести нас на западную сторону гряды, которая разделяет залив Анива и Охотское побережье (Тонико-Анивская гряда). В этом районе Корсаковский леспромхоз проводил заготовку леса, разбивая сопки сетью лесовозных дорог. Предполагалось, что по долине речки и лесовозной дороге мы пройдем перевал, а лесная тропа приведет к лагунному оз. «Тунайча». Инструктор уверял, что он без проблем преодолевал это расстояние летом.

После обеда группа направилась к перевалу. В ответ на ее «покорение» природа выбрасывала на землю потоки дождя вперемешку с мокрым снегом. С каждым часом нарастала усталость, и жутким холодом веяло от мокрой одежды и обуви. День стремительно таял в вечерней мгле. Группа двигалась цепочкой, и каждый из нас остывал, ожидая очередь на пробивание тропы в тяжелом снегу. Группа прекратила движение в распадке с крутыми склонами и редкими деревьям. Палатки пришлось ставить на снег, и вскоре в них стала поступать вода. Так, под моей палаткой слышалось журчание ручья, пробивавшего путь в снежных глубинах. Сырые дрова костра едва тлели. Мы вошли в тяжелую ночь, в которой сон приходил урывками, а холод донимал до дрожи.

Утренние сборы проходили в белом молоке тумана и не заняли много времени. Каждый понимал, что спасение от холода в движении. Группа продолжала путь, взирая на пасмурное небо, которое освободилось от дождя и снега.

Оказалось, что мы находимся в километре от дороги, пробитой к перевалу бульдозером.

Подарком группе, замерзающей в пути, стала столовая леспромхоза, оборудованная хорошей печью. Столовую мы обнаружили, спустившись с перевала. Рисовая каша с тушенкой, горячий чай и тепло печи погрузили нас в глубокий сон. День отдыха был отдан заслуженному сну. К Тунайче мы вышли на следующий день.

С того перехода перевал «Шешкевича» и охотское побережье стали для меня «святыми местами», которым я поклонялся при первой возможности.

5. Шторм на море

Один из походов к перевалу «Шешкевича» и Охотскому побережью проходил в первых числах ноября. Поход начался с ночевки у знакомого стана пастухов. Движение к перевалу продолжилось следующим утром.

Вдоль тропы, ведущей к развалинам погранзаставы, что располагалась на знакомых мысах, стояли и лежали телефонные столбы с оборванными проводами. У тропы до и после перевала виднелись остатки «обогревателей» (избушка с железной печкой), которые ставились пограничниками на случай тяжелых погодных обстоятельств.

Вечером мы вышли к Охотскому побережью и разбили палатки на лугу у развалин заставы. В этом месте берег круто опускался к морю каменистым склоном, у подножья которого мирно плескалось море. Вечер был полон глубокой тишины. После традиционной беседы у костра мы легли спать, не предполагая, что на следующий день нас ожидает небольшое приключение.

Под утро внезапно поднялся порывистый ветер с дождем. Неведомая сила поднимала волны и бросала их на прибрежные скалы. Палатки

трепетали под порывами ветра. Шум моря и удары волн о скалы периодически переходили в грохот, который накатывался от горизонта и достигал максимальной силы у береговой линии. Над морем и скалами парили большие черные птицы, вероятно, бакланы. Мы, как замороженные, смотрели на буйство моря, рожденное в далях морских.

В этих условиях путь по берегу моря был закрыт и мы решили пробираться вдоль берегового обрыва по старой пограничной тропе, которую старался поглотить молодой ельник. Он цеплялся за одежду, царапал руки и лицо. Несмотря на это препятствие, группа вышла к намеченному распадку, и под пологом леса укрылась от ненастья.

Мне часто вспоминается буйство шторма на Охотском море. Я вновь и вновь мысленно погружаюсь в буйство природы, а затем выхожу из него.

6. “Детский поход”

Курсы инструкторов туризма завершались руководством похода, который для старших школьников проводила турбаза «Горный Воздух». Успех этого мероприятия позволял претенденту получить звание и значок «Инструктор туризма СССР».

Для выполнения этого задания мне предложили возглавить группу из 25–30 старших школьников. Впечатление от состава участников похода нельзя назвать положительным, поскольку они отличались друг от друга исходной физической и психологической подготовкой.

Маршрут похода был мне хорошо знаком: «Турбаза Горный Воздух–Корсаков–Пригородное–Озерский–перевал Шешкевича–мыс Великан–мыс Птичий–лагунное озеро «Тунайча»–Лесное–Турбаза Горный Воздух».

Беспокойным оказался «переход» на участке «Корсаков–Озерский». Большая часть группы не утруждала себя переходом с рюкзаком, и «вешалась» на попутные автомашины. Отдельные «путешественники», начавшие движение по прибрежной полосе, вскоре выходили на обочину

дороги и просились на проходящий транспорт. Необходимо отметить, что водители охотно подбирали «юных туристов».

Для приготовления пищи в наше имущество входили не котелки, а ведра, поскольку приходилось кормить людей с отменным аппетитом.

Вечным блюдом туристов нашего времени являлась гречневая и рисовая каша с тушенкой. Постоянным компонентом «стола» являлся чай, который не всегда «скрашивался» сгущенным молоком, поскольку оно часто уничтожалось «молокососами». Это звание присваивалось тем, кто тайно съедал полученное для хранения молоко. Они действовали ночью, а днем без страданий выслушивали мои замечания по этому поводу.

Инструктор должен беспокоиться о поддержании костра, воде пригодной для питья, сохранности продуктов, безопасности каждого участника похода, решать многие другие проблемы возникающие в пути.

Необходимо отметить, что турбаза помнила о нас. Так, в район Озерского автомашиной были доставлены продукты. Удивили 3-х литровые банки с абрикосовым компотом. Этот «подарок судьбы» тут же делился и съедался, поскольку не подходил для транспортировки в рюкзаке.

Управление группой упростилось, когда перед нами открылась местность, редко посещаемая туристами. Передвижение по тропам давало ощущение опасности, объединяя участников похода. Как только окружающая обстановка изменялась, поведение членов группы становилось прежним.

Необходимо отметить, что в некоторых группах инструкторы не заботились о вверенных подопечных. В этих условиях туристическая группа превращалась в «банду». Одна из них ограбила столовую леспромхоза.

Голодные, с кухонными ножами в руках, грязной одежде со следами ночевки у костра, они походили на босняков. После встречи с «пиратами Охотского побережья» я имел беседу с работником милиции, уверяя его, в том, что наша группа на столовую не нападала.

Позднее некоторых членов этой компании я встречал на турбазе, где они занимались кражами туристического инвентаря, поскольку свой был ими брошен на маршруте.

Закончился поход, который я не могу назвать детским. Группа «без потерь» вернулась на турбазу. Я получил значок и удостоверение «Инструктор туризма СССР», но никогда больше не руководил юношескими группами туристов.

7. Запах сероводорода

Середина зимы ознаменовалась крепкими морозами. В это время мы с Борисом Григорьевичем решили пройти по маршруту «Озерский–оз. Большой Чибисан–оз. Тунайча–оз. Добрецкое–Озерский».

«Покорение» Малого и Большого Чибисана началось ранним утром.

До начала интенсивного движения холод проникал под одежду. «Тысячи иголок» вонзались в наши тела, но с каждым шагом число их уменьшалось. Процесс этот начинался с кончиков пальцев рук и ног. Постепенно нас охватывало тепло.

За нашими спинами остался Малый Чибисан, который соединялся с Большим Чибисаном небольшой протокой. С этого пятючка водной поверхности поднимался пар, который превращался морозом в изморось. Она осаждалась вокруг протоки, создавая причудливые миниатюрные «замки».

Над протокой металась две утки. Они взлетали, делая несколько кругов над пятючком воды, и вновь садились. Вероятно, еще глубокой осенью они оставили стаю, и теперь их судьба решалась морозом, который с каждым днем сокращал водную гладь.

Наш путь продолжался в тишине морозного мира, в котором меня пугал внезапный треск ледяного разлома. Огромные пространства тишины охватывали нас, и мы растворялись в ней, ожидая чудес от нового дня.

Выход к оз. Тунайча прошел позднее, чем ожидалось, поскольку после обеда большая часть пути проходила по молодому ельнику, в котором застревали лыжи. Ночевка планировалась на оз. Добрецкое в избушке егеря. К Добрецкому мы шли по льду вдоль берега Тунайчи, покрытого лесом.

Берег молчал в густой черной ночи, накрытый пологом мерцающих звезд. Изредка в лесу раздавался треск погибающего дерева. Это мороз крушил деревья, разрывая стволы, собравшимся в дуплах льдом. Перед нами стоял вопрос, который с виду не был сложным. Как обнаружить нужный распадок у озера Добрецкое? Мы имели эту возможность. Она заключалась в том, что Добрецкое и Тунайча соединялись протокой, вода которой резко пахла сероводородом. Двигаясь вдоль берега, мы надеялись, что этот запах нам не миновать, и он выведет к избушке. Наше предрасположение не осуществилось. Мы пересекли Добрецкое в надежде, что перед нами откроется нужный распадок, но избушку не обнаружили, хотя две недели тому назад мы в ней ночевали. Я предложил Борису Григорьевичу оставить в распадке рюкзаки и осмотреть местность. Он категорически отказался от этого плана, поскольку нет большей опасности, как остаться без снаряжения и пищи в час наивысшей усталости. Предложение Бориса Григорьевича было иным. В случае окончательной потери ориентации он предлагал развести костер и провести ночь рядом с ним.

Мы в очередной раз осматривали ближайшие распадки, углубляясь в лес. К нашей радости в одном из распадков под пологом елей обнаружилась старая лыжня, которая вела к избушке. Представьте нашу радость в зимнюю ночь. В избушке стояла печь с сухими дровами, которые были заблаговременно приготовлены после прошлой ночевки. Печь набросилась веселыми языками пламени на котелок, в котором вскоре закипели каша и чайник с водой.

Избушка тонула в ночи, окруженная зимой, которая старалась ворваться в нее через плохо заделанные мхом стены в виде струек пара. Мы

отдались позднему ужину, после которого нас сморил сон, и мы уснули, радуясь благополучному исходу нашего похода.

Наш обратный путь лежал к Озерскому по Большому Чибисану. Перед выходом мы пополнили в избушке запас спичек, бересты, дров и продуктов, которые могли понадобиться будущим путникам.

8. Последний полет

18 декабря 1976 года мы с Борисом Григорьевичем вышли из Чапаева II по направлению к оз. Тунайча. Целью нашего небольшого путешествия была туристическая база на берегу озера.

Долина реки, по которой мы шли, заросла кустарником и деревьями разных пород. У занесенной снегом реки виднелась разрушенная насыпь узкоколейки, которая во времена японцев была проложена от Корсакова до пос. Охотский.

Очередная сахалинская оттепель обернулась низкой облачностью и туманом в долинах. В этом царстве тишины внезапно послышался гул моторов низко летящего самолета. Он не был виден, но мы слышали его отчетливо. Вскоре шум моторов стал стихать, смещаясь в сторону Южно-Сахалинска.

В начале следующей недели мне позвонил Борис Григорьевич и предложил участвовать в поисках самолета, упавшего в горах на пути к Южно-Сахалинску. Оказалось, что самолет ледовой разведки ИЛ-14 заходил на посадку и врезался в гору. В связи с этим формировались поисковые группы. Поискам мешала непогода. Одна из групп направлялась к предполагаемому месту катастрофы на территории Корсаковского района. В ее состав входили лесники, туристы и спортсмены. Туристов возглавлял Борис Григорьевич. Группа формировалась в здании горисполкома.

Руководство города взяло на себя заботы по организации питания участников поиска. Нам выдали сухой паек, в который входили продукты, давно исчезнувшие с прилавков магазинов того времени (копченая колбаса и

сгущенное молоко и др.). После обеда наша группа погрузилась на автомашину ГАЗ-66 с лесниками и их собакой, и выдвинулась в район охотской дороги. После кратковременной стоянки последовало распоряжение о прекращении поиска. Одна из поисковых групп вышла к месту катастрофы, что позволило спасти 2-х человек, оставшихся в живых.

Катастрофа с самолетом ИЛ-14, пополнила мрачные страницы истории авиации Сахалина, а Мы с Борисом Григорьевичем стали невольными свидетелями трагедии над сопками Южного Сахалина.

Уходит время, но остается память. Отдадимся ее воле. Ничего выдуманного. Каждой строчка – правда, которой делюсь с желающими.